

ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ «ПЛАНОВЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ» В РАЙОНЫ ПРЕЖНЕГО ПРОЖИВАНИЯ ДО 1940-х гг.

Problems of «Planned Settlers»' Returning to the Places of Former Residence until the 1940s

Н. Ф. Бугай (N. Bugai)¹

¹ доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Ph. D. of History, Professor, Senior Scientist at the Institute of Russian History of the RAS). E-mail: nikolay401@yandex.ru.

В предлагаемой статье продолжено исследование сложной темы исторической науки — принудительных переселений народов в период войны 1941–1945 гг. Особое внимание при этом уделено возвращению спецпереселенцев и «плановых переселенцев» в районы их прежнего проживания до 1940-х годов. Предстояло в трудных условиях обустроить в очередной раз свое жилье, восстанавливать хозяйство, возрождать культуру. Одновременно формировалась и система новых межэтнических отношений.

Ключевые слова: репрессированные народы, плановые переселения, реабилитация, возвращение, восстановление, культура, взаимоотношения.

The article continues to study the complicated issue of forced migrations in the period of war of 1941—1945. Special attention is paid to the return of spetspereselenetsy (pl.), (special settler, a person deported by the Soviet government and obliged to live in a given locality under supervision of the Ministry of Internal affairs (NKVD, later MVD), and the «planned settlers» to their former places of residence until the 1940s. The article is based on the intersection of history, sociology, and psychology. The focus of the research has been on the deportees, who were transported against their own will according to the so called «planned resettlement» leaving their homes and settling in the territory of residence of the repressed peoples by entire collective farms.

As the research showed the fate of both categories of people remained hard because of the ongoing war, economic difficulties, labour shortage for the restoration of the ruined economic sector, broken pre-war ties between the regions of the country.

The restoration of historical justice played a positive role and gave some hope to people for a new life. Afterwards under difficult circumstances both former special settlers, and «planned settlers», had to build their homes again, to restore economy, to revive the culture. At the same time the new system of ethnic relations was being formed.

Keywords: repressed peoples, planned resettlement, rehabilitation, return, restoration, culture, relationships.

Как известно, многие из репрессированных граждан Союза ССР во второй половине 1950-х гг. на основе принятых законодательных актов были реабилитированы и возвращались в места своего исконного проживания. По этой теме уже опубликована большая литература, рассмотрены многие стороны процесса [Бакаев 1992; Бугай 1990, 1991, 1993; Бугай, Гонов 1998; Максимов 2004, 2010; Национальная 2003; Петров, Скоркин 1999; Политические 2003; Сидоренко 2000; Убушаев 1991; Убушаев, Убушаев 2009; Хунагов 1998]. Тем не ме-

нее, до сих пор никто не обратил внимание на такой контингент граждан, которые разными способами заселяли территорию проживания подвергшегося репрессиям населения. В условиях возвращения спецпереселенцев им как «плановым переселенцам» также было предложено право возвращения в места проживания, откуда они переселялись на земли депортированных. Этот вопрос приобрел самостоятельное направление в общем процессе реабилитации граждан и также требует своего изучения.

СССР, как и любое государство, проявил беспокойство о территориях, оказавшимися освобожденными от выселенных граждан, обвиненных по разным причинам в «неблагонадежности», — то ли на основании превентивного фактора, то ли на основании неповиновения указам и предписаниям сверху, то ли по другим причинам. С целью сохранения экономического потенциала освобожденных регионов страны переселение на эти территории населения из других республик и областей осуществлялось по разнарядкам. Так, переселение на территорию Калмыцкой АССР и Северного Кавказа в первую очередь осуществлялось из соседних северокавказских регионов. В Автономии немцев Поволжья формы заселения территории приобретали разный характер. Трудно происходил процесс роста численности населения и в районах Крымской АССР, проживания финнов-ингерманландцев, в Закавказье. Территории выселяемых народов передавались в ведение оставшихся титульных этнических общностей (Кабардинская АССР), союзных республик (Грузинская ССР) или передавались в состав вновь созданных регионов, например, Грозненской или Крымской области.

Снятие ограничений и возвращение спецпереселенцев на прежние места своего проживания (до 1940-х гг.) сразу же поставило на повестку дня проблему возврата им территорий, занятых другими, так называемыми «плановыми» переселенцами. Правда, как свидетельствуют воспоминания участников этих процессов, эти переселения зачастую осуществлялись по приказу и по принуждению. Восстанавливались и их государственные образования. По-своему развивались эти процессы применительно к национальным меньшинствам, подвергшимся принудительным переселениям, часть из которых возвращалась на территории прежнего проживания до 1940-х гг.

Корейцы. 3500 корейцев, принудительно переселенных в 1937 г. из Еврейской автономии, обратно не возвратились и остались в регионах Средней Азии и Казахстана. Однако в последующем возвращение корейцев на территорию все же состоялось, о чем свидетельствуют и переписи населения. До 1937 г. корейцы на территории автономии были объединены в колхозы. Они функционировали наряду с 11 еврейскими колхозами [ЦК ВКП(б) 2009: 57]. Возвращение

последовало не только в автономию, но и в другие административные края и области Дальнего Востока уже в новом формате существования России как самостоятельного правового государства (1990-е гг.).

Финны-ингерманландцы. Не будет ошибкой утверждать, что их реабилитацией на практике занимались в основном общественные объединения самих ингерманландцев. Администрации субъектов подключались, как правило, к уже организованному процессу, не проявляя особой инициативы. Районы прежнего проживания финнов-ингерманландцев на северо-западе РСФСР отличались достаточно высокой плотностью населения и высоким процентом использования земель. Большое количество земельных площадей, ранее принадлежавших финнам-ингерманландцам, со второй половины 1940-х — в 1950-х гг. оказалось в распоряжении войсковых частей, военных лесхозов, заняты под полигоны. Они располагались в таких районах, как Ломоносовский, Гатчинский, Всеволожский, Выборгский (в приграничной зоне) Ленинградской области. Все предложения общественных организаций финнов-ингерманландцев сводились к тому, чтобы эти земельные территории были возвращены под компактные поселения вернувшихся спецпереселенцев. Территориальный фактор и здесь играл первостепенную роль и выступал базой выстраивания отношений между общностью финнов-ингерманландцев и органами государственной власти, политическими институтами. В то же время Ленинградские областной и городской Советы народных депутатов сообщали, что в их планах предусматривается «создание условий для добровольного возвращения принудительно высланных национальных групп в районы их традиционного проживания, предоставление приемлемой в современных условиях автономии, обеспечивающей национально-культурное возрождение». Ими же предписывалось районным, городским и сельским исполкомам поселковых советов «разработать предложения о выделении земли под национальные поселения, а также программу их освоения с учетом бывших национальных поселений, согласно заявлению национальных обществ и организаций» [По решению 2003: 848-852]. При этом местным Советам народных депутатов и их исполнительным органам рекомендовалось «приостановить передачу земель нынешними землепользова-

телями различным предприятиям, учреждениям и организациям в местах предполагаемого создания национальных поселений». В Ленинградской области инициаторами подобных преобразований выступали председатель Ленсовета А. А. Собчак и председатель Леноблсовета Ю. Ф. Яров.

Немцы. Возвращение граждан Автономии немцев Поволжья в районы прежнего проживания на Волге до начала 1970-х гг. было незначительным. Медленно протекал этот процесс и в последующем. Политика государственных органов власти была направлена на то, чтобы как можно больше немцев оставить на местах спецпереселения. Только 9 ноября 1972 г. появился приказ № 54 Генерального прокурора СССР, в котором сообщалось: «Объявляя не подлежащий опубликованию Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного для отдельных категорий граждан», предлагаю обеспечить надзор за его выполнением. И. О. Генерального прокурора СССР, Государственный советник юстиции I класса М. Маляров» [Бугай 2006: 408]. Однако подобные заверения даже на государственном уровне остались на бумаге. Значительная часть представителей перечисленных в приказе этнических общностей, в том числе и болгар, оказалась в Ростовской области и Краснодарском крае, особенно в Темрюкском районе. Таманский полуостров приютил болгар-спецпереселенцев. Они облюбовали поселки Сенной, Мирный, Виноградный и др. Однотипной была судьба советских немцев Поволжья и в других регионах страны. Это обуславливалось тем, что меры по реабилитации советских немцев в 1970–1980-е гг. приносили мало результатов, хотя они и получали право свободного проживания на территории СССР. Расселялись немцы главным образом в Энгельсе, Саратове, Волгограде и некоторый процент – в сельской местности.

Карачаевцы. 9 января 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР признавалось необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа, что нашло свое выражение в создании Карачаево-Черкесской автономной области в составе Ставропольского края РСФСР. Это было третье государственное образование, в котором титульными этническими общностями признавались черкесы и карачаевцы.

По их названию получило наименование и национально-государственное образование. Одновременно решались вопросы границы, проводилось административно-территориальное обустройство новой автономной области. Карачаевский народ, возвратившийся из спецпереселения, получал право проживания и расселения по всей территории области и восстановил свою государственность в существенно расширенных территориальных рамках. Значительная часть карачаевцев расселялась на территориях, на которых они до принудительного переселения не проживали. Как отмечалось, эти территории в общей массе составили более 60 тыс. га. Начиная с 1960-х годов, народы области (которых наряду с карачаевцами и черкесами, представляли абазинцы, ногайцы, русские, осетины, балкарцы и др.) активно участвовали в восстановлении экономического потенциала региона, возрождении национальной культуры.

Калмыки. 12 сентября 1958 г. Совет Министров РСФСР принял специальное постановление «О мерах помощи Калмыцкой АССР» (№ 1067). В 1959 г. должно было завершиться окончательное возвращение калмыков на территорию их бывшей республики. В числе приоритетных положений в постановлении оставались пункты, касающиеся жилья и землеустройства. В п. 3 были определены все стороны, участвующие в решении земельных проблем Калмыкии: Министерство лесного хозяйства РСФСР, Калмыцкий облисполком, Ставропольский крайисполком, Ростовский, Сталинградский и Астраханский облисполкомы. Четыре последних органа власти представляли регионы, между которыми и была разделена территория республики в конце 1943 г. после принудительного выселения калмыков. Государственные органы власти обязывались рассмотреть вопрос «о выделении Калмыцкой АССР земельных участков на отгонных пастбищах на «Черных землях». Они также были обязаны представить в трехмесячный срок предложения в Совет Министров РСФСР» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 75. Л. 28–30].

Калмыки, совместно с представителями других этнических общностей, практически восстановили территорию, равную той, которую имели до выселения: площадь вновь созданной автономии составила 75,9 тыс. кв. км против 76,4 тыс. кв. км в 1943 г. В то же время бесспорен тот факт, что в сос-

тав автономии не вернулись самые лучшие земли калмыцкого Поволжья, каковыми являлись Лиманский и Наримановский районы, отошедшие под юрисдикцию соседнего субъекта в Нижнем Поволжье. Для Калмыцкой АССР как территории безлесной и страдавшей зачастую от суховеев, отсутствия влаги, важно было возобновить работы по созданию государственной защитной лесополосы Сталинград – Элиста. В связи с этим было решено организовать в короткие сроки три лесничества, а также Калмыцкий трест «Сельхозводстрой», без которого вряд возможным было бы создание системы в этой отрасли. В обязанность этой организации республиканского масштаба вменялось «*осуществление строительных работ по обводнению северо-восточной части Каспийского района Калмыцкой АССР*» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 75. Л. 28–30]. Постановлением были определены и другие задачи хозяйственного назначения. Подобные меры проводились и на территории Сталинградской области, куда также возвращались калмыки-спецпоселенцы.

Чеченцы и ингуши. Для населения, прибывшего в районы, принадлежавшие упраздненной Чечено-Ингушской АССР, был характерен трудовой энтузиазм. За короткое время они адаптировались в новых условиях, на собственной основе и при помощи государства создавали свои хозяйства, в большей мере объединявшиеся в колхозы, и частично работая в совхозах, на промышленных предприятиях. Поначалу были слабыми заработки, расселение имело вялотекущий характер. Фактически колхозники не получали заработной платы, кроме наличных продуктов. За время нахождения хозяйств на этой территории они заметно окрепли. В середине 1950-х гг. в них уже насчитывалось 123 колхоза, 20 МТС, 11 совхозов [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103]. Благодаря их усилиям ликвидировалась проблема трудоустройства граждан. Несколько иным было положение на промышленных предприятиях. Процент занятости на них вновь прибывающих на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР оставался незначительным. Так, в 1955 г. годовой объем валовой продукции промышленности составил 242 068 млн руб. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103]. Разными были показатели и по соседним регионам, где уже расселились возвратившиеся бывшие спецпереселенцы, в частности, в Дагестанской

АССР, Северо-Осетинской АССР. В районах, отошедших к Дагестанской АССР, из числа приезжих в промышленности было занято 600 рабочих. Годовой объем валовой продукции промышленного производства составлял в это время 18,4 млн руб. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103]. Активное освоение территории наблюдалось в Кизлярском районе Грозненской области. Городской комитет КПСС Кизляра сообщал в записке на имя М. А. Суслова, что только за 1955 г. пригородные колхозы и совхозы заготовили более 8,5 млн чубуков и посадили 20 га виноградной школки, заложили 42,5 га новых виноградников. Тем самым в регионе на перспективу формировалась мощная производственная база [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 9]. В районах, отошедших к Северо-Осетинской АССР, в промышленности были заняты 3380 рабочих — плановых переселенцев. Объем валовой продукции равнялся 175,5 млн руб. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 9].

Не изъявляло особого желания трудиться ингушское население, расселявшееся в Пригородный район Северо-Осетинской АССР. Использовались разные формы воздействия на органы власти по принятию окончательного решения о принадлежности самого района. Несомненно, проблема с Пригородным районом Северо-Осетинской АССР приобретала обостренный характер. Это учитывалось и Президиумом ЦК КПСС. Была сформирована комиссия с участием руководителей Грозненской области, Дагестанской, Северо-Осетинской АССР и представителей от чеченцев и ингушей. Было положено начало поиску путей мобилизации населения с целью решения этой проблемы. Одним словом, с новой силой актуализировалась проблема территориального обустройства. Таким образом, если в отношении других территорий вопрос решался относительно спокойно, главным образом путем консенсуса, то Пригородный район требовал к себе большего внимания.

Группа Президиума ЦК КПСС (А. Микоян, К. Ворошилов, Г. Маленков, Л. Брежнев, Н. Беляев) [Бугай, Гонов 1997: 172–174], изучив материалы, 22 декабря 1956 г. представила в Президиум ЦК КПСС заключение, в котором детально излагались условия возникновения самой проблемы Пригородного района. Пригородный район вплотную примыкает к г. Орджоникидзе и играл большую роль «в обеспечении города

продуктами сельского хозяйства, в решении продовольственной задачи в целом». Его 33-тысячное население (в том числе 23,5 тыс. осетин) было занято главным образом в аграрной сфере. Адекватной была и направленность промышленного производства, нацеленного в основном на переработку сельхозпродукции. На территории района функционировали 4 колхоза, располагавшие 13,3 тыс. га земельных угодий, одной МТС, несколькими предприятиями пищевой промышленности, на которых были заняты 1200 рабочих [Бугай, Гонов 1998: 122–125]. Фактически промышленная зона была полностью обеспечена трудовыми ресурсами. Возможностями для дополнительного заселения район не располагал. Вывод был однозначным – оставить район в структуре Северо-Осетинской АССР.

Конечно, таким решением вряд ли могли быть довольными возвращающиеся чеченцы и ингуши. Об этом свидетельствуют и многочисленные их обращения в правительственные органы власти. В феврале 1957 г. группа ингушей в составе 8 человек обратилась к заместителю председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкову. Просьба их сводилась к тому, чтобы «*решить вопрос о Пригородном районе, присоединении его к Чечено-Ингушской ССР*» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 47–48]. К решению спорных вопросов, сопровождавшихся претензиями, привлекался и депутатский корпус, представлявший все регионы Северного Кавказа. Депутат Верховного Совета СССР П. Москатов, защищавший интересы избирателей Шурагатского района, жители которого были переселены в 1940-е гг. на земли убывших на спецпоселение чеченцев, сообщил в середине января 1957 г. в ЦК КПСС: «*Избиратели выступают против вхождения района (Дагестанская ССР) в состав восстанавливавшейся Чечено-Ингушской АССР*» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 13]. Кстати, эта просьба избирателей находила поддержку и со стороны секретаря Дагобкома КПСС А. Даниялова.

В первой половине 1957 г. возникла проблема с переселением колхозников Коста-Хетагуровского района с территории Чечено-Ингушской АССР в Северо-Осетинскую АССР. В этом районе осетины представляли собой национальное меньшинство. В связи со сменой ситуации они обратились с просьбой о возвращении в со-

став Северо-Осетинской АССР. Их просьба была удовлетворена 12 апреля 1957 г. специальным постановлением Совета Министров РСФСР № 295 [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 482. Л. 16]. Постановление о предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращавшимся из районов в условиях переселения, было весьма своевременным. Определялись размеры кредитов на строительство жилья, ремонт надворных построек, приобретение крупного рогатого скота, условия освобождения от уплаты сельхозналога, обязательных поставок сельхозпродуктов, создания непрерывного стажа работы, оказания единовременной помощи наиболее нуждавшимся семьям. Общая сумма кредита на эти цели в 1957 г. составляла 150 млн руб.: по Чечено-Ингушской АССР — 63 млн руб., Кабардино-Балкарской АССР — 19,65 млн руб., Калмыцкой автономной области — 30 млн руб., Карачаево-Черкесской автономной области — 37,5 млн руб. [ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 910. Л. 142–144].

Совет Министров Северо-Осетинской АССР и Оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР подготовили единый документ, отвечающий интересам 4000 осетин. Был выработан и механизм реализации решения проблемы: определены льготы, размеры ссуды, освобождения от уплаты налогов, обязательных поставок продовольствия и т. д. Органы государственной власти брали на себя расходы, в том числе и по перевозке колхозных семей в Северо-Осетинскую АССР, на что выделялось 600 тыс. руб. [ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 10. Л. 138]. В группу переселяемых наряду с колхозниками были включены и такие категории граждан, как учителя, врачи, работники торговых предприятий, механизаторы сельского хозяйства. Правда, льготы на эти категории граждан не распространялись, и им пришлось столкнуться с большими трудностями. В связи с этим Совет Министров Северо-Осетинской АССР (Б. Зангиев) обратился 20 июня 1957 г. в Совет Министров РСФСР с просьбой об оказании соответствующей помощи. Просьба была учтена, что нашло отражение в специальном распоряжении Совета Министров РСФСР от 28 июня 1957 г. [ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. Этот контингент населения пополнил трудовой ресурс Северо-Осетинской АССР.

Из Чечено-Ингушской АССР в Дагестанскую АССР в ходе кампаний по

возвращению планового населения предстояло переселить 13 700 хозяйств. Выразили свое согласие на переселение из так называемых «плоскостных» районов Дагестанской АССР 7200 хозяйств, в горные — 6500 хозяйств [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 75–76]. Можно предположить, что эти хозяйства не попадали в те районы, в которых находились до 1940-х гг.

Конечно, в практическом осуществлении этих мер было множество неувязок и неразберихи. Не случайно вопрос «О ходе переселения жителей Чечено-Ингушской АССР» специально обсуждался правительством Дагестанской АССР на заседании 9 августа 1957 г., на котором были намечены меры по ускорению работы в этом направлении. На 25 августа 1957 г. из Чечено-Ингушской АССР возвратились 1479 хозяйств, в горные районы — 2992 хозяйства. Хотя и замедленными темпами, работа по возвращению их продолжалась. Дагестан провел предварительную подготовку к приему населения. Для жителей, переселявшихся на «плоскость», планировалось построить 33 населенных пункта. Полностью была закончена разбивка приусадебных участков и подготовлены проекты застройки. В 30 поселках были полностью построены дома для 25 семей возвращавшихся колхозников, находились в стадии строительства 760 домов [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 75–76].

Совет Министров Дагестанской АССР и бюро Дагобкома КПСС, 17 сентября 1957 г. информируя ЦК КПСС, сообщали, что из планируемых 7 тыс. хозяйств из Чечено-Ингушской АССР были перевезены к середине сентября 1957 г. 5189 хозяйств. В «плоскостные» районы республики из них возвратились 2684 хозяйства, в горные — 2505 хозяйств [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 103–104]. Тем не менее, в письме сообщалось, что руководители Ботлихского, Хунзахского, Казбековского, Сергокалинского, Гумбетовского, Дахадаевского, Цунтинского районов «не обеспечили выполнение постановления Совета Министров республики и бюро обкома КПСС «О передаче земли переселенческим колхозам» и тем самым препятствуют переселению колхозов на плоскость и проведению осенних сельхозработ» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 75–76]. Наряду с этим отмечались и другие недостатки работы районных партийных и советских ор-

ганов власти: несоблюдение сроков строительства жилья, отсутствие артезианских колодцев, неподготовленность школ к приему детей возвращающегося из Чечено-Ингушской АССР населения (на 1 сентября 1957 г. в школах районов должны были начать учебу 81 758 школьников, из них 18 123 — из числа чеченцев и ингушей. Обучалось фактически 80 449 учащихся; 1 304 учащихся не посещали школу [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 136]), а также отсутствие должного медицинского обслуживания. Партийные и советские органы власти ориентировались на то, что возвращение граждан должно осуществляться в уже подготовленное жилье. Получила одобрение инициатива колхоза им. В. И. Ленина (с. Андрей-аул Хасавюртовского района) «оказывать практическую помощь посредством выделения транспортных средств для постройки домов, семян для озимых посевов, корма для скота» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 110]. Вновь внимание руководителей районного масштаба акцентировалось на необходимости в течение пяти дней «обеспечить передачу земель» колхозам, возвращающимся с территории Чечено-Ингушской АССР.

Не все поселенцы покидали селения Чечено-Ингушской АССР во второй половине 1950-х гг. Они переселялись из одних колхозов в другие, иногда даже в территориальных границах одного района. Это, несомненно, было связано с существовавшими в том или ином колхозе бывшими домовладениями чеченцев и потребностью их срочного освобождения. Однако в тех хозяйствах, где имелось свободное жилье и ощущалась потребность в рабочей силе, прежние поселенцы из Дагестанской АССР могли оставаться на проживании. Переселялось население на близкие расстояния. Однако подобное расселение в районах республики не устраивало бывших жителей Дагестанской АССР. Не случайно в центральные и местные органы власти поступали письма с просьбой переселить всех в Дагестан. Жители Дагестанской АССР приветствовали «создание Чечено-Ингушской АССР», но выступали против совместного проживания, что объяснялось рядом причин.

Самым наболевшим был земельный вопрос. Как замечал по этому поводу зав. отделом партийных организаций ЦК КПСС по РСФСР В. Чураев, ощущалась острая нехватка земельных угодий при избытке

рабочей силы в колхозах расселения. Так, в Андалалском, Ритлябском, Веденском районах на одного трудоспособного колхозника приходилось по 0,4–0,8 га пашни, в Шурагатском районе – 1,8 га. Многие из колхозников не вырабатывали минимум по той простой причине, что их нечем было занять [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 3]. Все это повсеместно порождало неспокойную обстановку, обостряло отношения между представителями разных этнических общностей. С учетом имевшего место разгула со стороны чеченцев (нападение на школы, драки) 11 тыс. хозяйств аварцев и даргинцев обращались с просьбой вернуть их на территорию Дагестанской АССР, оказав помощь по линии государства. Аварцы предъявляли требование «*вывезти и чеченские семьи (32 человека) из сел. Моксоб Ритлябского района*» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 7–8]. Скорейшее высвобождение территории от переселенцев, которые еще в 1940-е гг. заполняли освобождавшиеся колхозы Чечено-Ингушской АССР, становилось приоритетной задачей и для Совета Министров РСФСР, и для Совета Министров Чечено-Ингушской АССР. 28 февраля 1958 г. Совет Министров РСФСР в очередной раз обсудил вопрос о мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому устройству возвращавшегося из Чечено-Ингушской в Дагестанскую АССР населения. В связи с этим Совет Министров РСФСР рассмотрел все поступившие с мест предложения. В числе первоочередных мер было решено заняться освоением в 1958–1960-х гг. 70 тыс. га новых земель, в том числе в 1958 г. — 24 тыс. га земель, находившихся под кустарником и мелколесьем.

Конечно, Дагестанская АССР оставалась специфичной территорией. Ощущалась необходимость заняться решением задачи по обеспечению ее засушливых районов водой в достаточном объеме для организации орошаемого земледелия. Уже в 1958 г. планировалось пробурить в республике 50 артезианских скважин: 30 скважин — в переселенческих колхозах, 20 — на государственной трассе скотопрогона, на отгонных зимних пастбищах [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 75. Л. 6–11]. Особым пунктом значилось в постановлении задание МТС и совхозам Дагестанской АССР на проведение работ по освоению новых земель и хозяйственному устройству переселенческих колхозов.

Реализация этих мер, несомненно, способствовала облегчению положения колхозников, возвращавшихся с территории Чечено-Ингушской АССР.

Одновременно в Грузинскую ССР возвращались из Дагестанской АССР 375 хозяйств, планомерно переселенных в 1944 г. и в последующее время. Предстояло в планомерном порядке провести работу по очередному переселению в союзную республику 3816 хозяйств [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 75].

Балкарцы. Необходимость предоставления исконных территорий возвращавшимся балкарцам привела к возникновению вопроса внутриреспубликанских переселений, поскольку в 1944 г. некоторые «высвобожденные» территории были заняты кабардинцами и представителями других этнических общностей. Однако требовалось принципиальное согласие и самих этнических общностей. Кабардинский обком КПСС, Совет министров республики выражали полное согласие с принятым решением о возвращении балкарцев и сразу же откликнулись на решение ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. о возвращении балкарского народа к местам прежнего жительства и преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.

В 1944 г. в бывшее балкарское село Гунделен Эльбрусского района было переселено 500 семей из кабардинских колхозов. Конечно, в 1950-е гг. подавляющее большинство прибывающих балкарских семей старались разместить в тех местах, где они жили до выселения, поэтому в 1958 г. необходимо было переселить кабардинские семьи из Гунделена. В данном случае вступало в действие право на льготы. Они были предусмотрены принятым 22 января 1958 г. постановлением Совета Министров СССР № 96 [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 14]. О ходе переселения в марте 1958 г. информировал зав. отделом переселения и оргнабора рабочих Совета Министров КБАССР И. Батчаев: «...*После восстановления национальной автономии балкарского народа, началом организационного возвращения балкарцев в прежние места жительства, в частности в с. Гунделен, в июле 1957 г. граждане-кабардинцы изъявили желание переселиться в другое село — Заюково Эльбрусского района. В связи с этим они обратились с этой просьбой в Совет Министров Кабардино-Балкарской*

АССР. Совет Министров республики, считая это переселение целесообразным, решил кабардинцам организованно переселиться, поручив Отделу переселения и оргнабора рабочих Совета Министров КБ АССР, оказать помощь в планировке нового места поселения и руководства переселением. На март 1958 г. организовано переселились 300 семей. Готовились к переселению в ближайшие месяцы и остальные семьи» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 151]. В апреле 1958 г. начальник Главного Переселенческого управления при Совете Министров республики М. Поляков сообщил: «Переселение фактически уже производится, и оно вызвано тем, что большинство возвращающихся балкарских семей, проживавших ранее в этой деревне, вернулись к прежнему месту жительства» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 152].

Турки-месхетинцы. К сожалению, о Грузии в данном случае говорить не приходится. В течение двух десятилетий правительство республики занималось решением проблемы принудительно переселенных народов с территории республики в 1940-е гг. Турки-месхетинцы трудились в сельскохозяйственной сфере республик Средней Азии и Казахстана (38 505 человек). Они относились к той категории граждан, применительно к которой была избрана установка «оставить на спецпоселении». Речь могла идти только о смягчении режима проживания: снятие с учета спецпоселенцев, обучение детей в школах, призыв на военную службу и др. В этой ситуации появлялся и большой соблазн самовольного переселения в Закавказье. В 1956 г. в Грузию возвратились 1030 бывших спецпереселенцев, выселенных ранее из южных районов республики. Просьба прибывших граждан о постоянном проживании не была удовлетворена. В мае 1968 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о праве турок-месхетинцев и других этнических меньшинств проживать на всей территории СССР, в том числе и в Грузии. Но практическое решение этого вопроса так и не было осуществлено.

Органы государственной власти Грузии в это время были заняты решением проблем других контингентов переселенцев. Намечалось возвращение переселенных после 1944 г. по плановым заданиям 26 тыс. южных осетин, расселявшихся на территории Пригородного района (Северо-

Осетинская АССР). В новой ситуации они должны были освободить территорию. К сожалению, Грузия не гарантировала им ни «теплый» прием, ни обустройство. Имелась особая «помета»: южным осетинам не разрешается возвращение к родным очагам в Грузинской ССР. Южные осетины стали перед дилеммой нового, теперь уже фактически принудительного переселения. С возвращением спецпереселенцев непосредственно в г. Орджоникидзе проблем не возникало. Ранее принудительно выселенных из города граждан было 2254 человека. В целом с Пригородным районом — 26 029 человек. Южные осетины вынуждены были вторично менять место проживания. В связи с этим принимались специальные постановления Совета Министров Северо-Осетинской АССР от 6 и 22 апреля 1957 г.

Для Грузии аналогичная ситуация возникла и в конце 1980-х гг. В это время, как и в последующие два десятилетия, возвращение в свою республику выселенцев 1940-х гг. проходило в тяжелых условиях развала СССР. Правительство Грузии выражало нежелание принимать у себя ранее принудительно выселенные этнические общности. Не случайно в 1990-е гг. туркам-месхетинцам было разрешено поселяться в соседних с Московской областью регионах. В указанные области были поселены 3319 семей (более 16 тыс. человек). Численность турок-месхетинцев и курдов постепенно возрастала, часть из них сразу приступила к работе на новом месте. Они были заняты на общих работах в полеводстве, в строительных бригадах, на животноводческих фермах. Предусматривалось и компактное поселение турок-месхетинцев в сельской местности, обзаведение жильем и приусадебными участками. Совет Министров СССР постановлением № 503 от 26 июня 1989 г. распространил на турок-месхетинцев льготы, установленные постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. «О льготах по переселению». Исполкомам местных советов поручалось использовать свободные жилые дома для временного проживания людей, оказывать содействие в трудоустройстве, обзаведении скотом, отведении земель для строительства индивидуальных домов, в обмене жилья и т. д. Тем не менее, турки-месхетинцы особо не стремились к оседанию в указанных субъектах РФ, считали свое пребывание там временным, и, по данным Верховного

Совета СССР, более 60 % турок-месхетинцев к работе не приступали [Турки 1994: 110-113].

В аналогичном положении оставались также и спецпереселенцы — крымские татары, армяне, болгары, греки. На законодательной основе их проблема не была решена. Их возвращение в Крым не разрешалось, хотя на самостоятельной основе, пусть и медленно, процесс все-таки протекал. При этом возвращения с территории Крымской области плановых переселенцев как такового не наблюдалось, хотя во второй половине 1940-х гг. обстановка в регионе по-прежнему оставалась сложной. Переселенцы в области охватывали огромный комплекс полевых и других видов хозяйственных работ. Посевная площадь в Крыму в 1940 г. составляла 767,4 тыс. га, в 1951 г. — 680 тыс. га. Это сокращение объяснялось нехваткой рабочей силы.

Крымские татары в основной группе спецпереселенцев, выселенных в период Великой Отечественной войны, на март 1954 г. составляли 119 215 человек [Максимов 2013: 361], как было констатировано в обобщающей справке Комиссии ЦК КПСС (К. Е. Ворошилов) по снятию ограничений в правовом положении спецпереселенцев. 19 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС специальным постановлением снял «ограничения по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей». Во второй половине 1950-х гг. и в 1960-е гг., а также в период проживания крымских татар в республиках Средней Азии, главным образом, в Узбекской ССР, продолжалась последовательная и непрекращавшаяся борьба крымских татар за возвращение в Крым [Принудительное 2015].

Острым и противоречивым оставалось положение российских немцев, крымских татар, реабилитация которых в 1960-е гг. действительно ограничилась полумерами. По этим этносам специально организованные комиссии провели работу, итоги которой нашли отражение в постановлении Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа». Становилась очевидной необходимость более обстоятельной проработки вопроса. В связи с этим поручалось «образовать Государственную комиссию для решения практических вопросов, связанных с

восстановлением прав советских немцев и крымско-татарского народа» [Ведомости 1989: 495], созданной спустя месяц постановлением Совета Министров СССР. В ее состав вошли первый зам. Председателя Совета Министров СССР В. Х. Догужиев, зам. Председателя Совета Министров РСФСР В. Г. Захаров и другие, всего 10 человек. Комиссии поручалось в ближайшее время подготовить предложения, которые позволили бы обеспечить «восстановление прав советских немцев и крымско-татарского народа» [Реабилитация 2000: 43-44]. Проводилась работа по подготовке «Концепции государственной программы возвращения крымских татар на постоянное жительство в Крымскую область». Было также разработано Положение о Государственной комиссии по проблемам крымского народа.

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. в области началось массовое возвращение крымских татар, проживавших ранее в Крыму, что отрицательно сказалось на состоянии общественного порядка. В результате мер, принятых административными органами, эти лица возвратились к прежним местам жительства. Именно на этих позициях строилась работа крымско-татарского национального движения в Узбекской ССР, а также в других регионах Союза ССР, где проживали крымские татары, в том числе и в Крымской области. На 1972 г. здесь насчитывалось около 3 тыс. крымских татар. Правда, отдельные семьи возвращались на прежние места жительства в Узбекскую ССР, считая, что условия жизни там не хуже, чем в Крыму [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 52. Л. 50-53].

В 2010-е годы в Крыму проживало 2,6 млн чел., в том числе 61,5 % — русские, 24,2 % — украинцы, 7,7 % — крымские татары (которых после возвращения стало 13-14 %) [Депортация 2002: 209]. Возвращение татар происходило и в этот период (первый этап — 8 125 человек). Увеличилась и численность армян — до 13 тыс. человек (по данным переписи 1939 г., проживало 12 483 человек) [Сенюшкина 2000: 115], греков — до 6 863, из них 1 500 переселялись на жительство в г. Севастополь (в 1939 г. — 17 370 человек), болгар — 8 771 (проживало в 1939 г. — 17 547 человек) [Депортация 2002: 219-225]. Окончательное решение проблемы этнических общностей Крыма,

подвергшихся репрессиям, было связано с присоединением Крыма к России на основе итогов референдума в марте 2014 г. и принятием Указа Президента РФ В. В. Путина «О мерах по реабилитации армянского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» № 268 от 21 апреля 2014 г.

Принимались меры по освоению районов на территории Грузинской ССР, которые освободили в принудительном порядке представители таких этнических меньшинств, как турки-месхетинцы, курды, хемшилы, цыгане, тёрёкама. Распоряжением Совета Министров СССР № 9384р от 12 июня 1951 г. решался вопрос об улучшении положения прибывших на поселение в Адигенском, Аспиндзском и Ахалкалакском районах на юге Грузинской ССР [ГАРЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 515. Л. 76]. Однако в 1950–1960-е гг. проблема логического завершения не получила. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1960 г. разрешалось «признать утратившим силу постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. «О въезде и проживании в пограничных полосах» [СЗ СССР 1935 г.: 721–722]. 21 июня 1962 г. начальник секретариата Верховного Совета СССР К. Черненко направил соответствующий проект. В последующем среди турок-месхетинцев наблюдались попытки переселения в Грузию. Так, из Киргизской ССР «...в период с 1975 по 1979 гг. около 20 семей турок-месхетинцев выезжали на постоянное жительство в Грузию и Краснодарский край. В этот же период в республику вернулись 6 семей, которые отрицательно высказались об идее выезда на Кавказ. Возвратившиеся семьи оказали благотворное влияние на оздоровление автономистских и экстремистских настроений» [Дьяченко 2013: 305].

Одним словом, постепенно решалась проблема не только подвергшихся репрессиям этнических общностей, но и тех, кто планомерно переселялся на «высвобожденные» земли. Разумеется, это требовало дополнительных средств и усилий со стороны органов государственной и партийной власти, вносило определенную дезорганизацию в жизнь тех граждан страны, которые также по приказу власти должны были переселяться на территорию проживания «наказанных народов».

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ)
Государственный архив российской экономики (ГАРЭ)
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1935 г. М., 1947. 1033 с. (СЗ СССР 1935 г.)

Литература

- Бакаев П. Д. Размышления о геноциде. Элиста, 1992. 115 с.
Бугай Н. Ф. «Жду Вашего справедливого решения...». Из писем спецпереселенцев // Дружба народов. 1993. № 8. С. 196–199.
Бугай Н. Ф. О депортации калмыцкого народа // Теегин герл. 1990. № 3. С. 20–29.
Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991. 88 с.
Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начала XXI века). М., 2006. 464 с.
Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народов в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. 368 с.
Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Ростов-на-Дону, 1997. 204 с.
Ведомости Съезда народных депутатов СССР Верховного Совета СССР. 1989. № 25. 540 с.
Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002. 240 с.
Дьяченко Л. Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Дис. ... д-ра ист. наук. Фрунзе, 2013. 344 с.
Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. 406 с.
Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013. 464 с.
Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004. 311 с.
Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы возрождения. Элиста, 2003. 257 с.
Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. 503 с.
«По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. 928 с.
Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. Сборник научных трудов. Элиста, 2003. 208 с.

- Принудительное переселение крымских татар: путь к реабилитации / сост., предисл., коммент., заключ. Н. Бугай. М., 2015. 256 с.
- Реабилитация народов России. Сборник документов. М., 2000. 448 с.
- Сенюшкина Т.* Межэтническое напряжение в Крыму // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Март–апрель, 2000. С. 115–117.
- Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе в 1941–1945 гг.: исторический аспект. Автореф. дис... д-ра ист. н. СПб., 2000. 45 с.
- Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации / сост., предисл. Н. Ф. Бугай. М., 1994. 161 с.
- Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста, 1991. 96 с.
- Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007. 494 с.
- Хунагов А. С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя. (20–50-е годы). Майкоп, 1998. 170 с.
- ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. 1096 с.